

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНГЕЛЬСКОЙ ПЕСНИ В НЕМЕЦКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Аннотация. Ангельская песнь рассматривается как частотный самостоятельный богослужебный текст. Использование песни будет носить надконфессиональный характер, но частотность ее исполнения будет являться факультативным категориальным признаком православного немецкого богослужения. Исследованные переводы полно и точно передают содержание молитвословия, при существующем лексико-грамматическом и стилистическом варьировании достигнут необходимый уровень адекватности перевода, а также обеспечена пригодность литургического текста для пения.

Ключевые слова: литургический текст, варьирование, синтагматические особенности, литургическое использование.

Abstract. The Angelic song is considered as a frequently used independent liturgical text. The usage of the prayer has an over-confessional character, while the frequency of its usage is an optional categorical feature of orthodox German divine service. All the analyzed translations render the content of the prayer exactly and completely; the variety of lexical-grammatical and stylistic figures has been translated on the necessary level of clarity making the liturgical text suitable for singing.

Key words: liturgical text, variation, syntagmatic peculiarities, divine service usage.

При исследовании текстов религиозной сферы коммуникации очень часто встает вопрос не только их точного и адекватного перевода на другой язык, но и вопрос учета интра- и экстралингвистических особенностей их употребления в соответствующей ситуации. Избранный для анализа текст Ангельской песни (Лк. 2:14) имеет не только свою древнюю историю употребления как отрывок из Священного Писания (Евангелие от Луки), но и почти такую же древнюю традицию богослужебного использования (чтения и пения). Наряду с другими текстами, заимствованными из книг Священного Писания в другие виды церковной словесности (в частности, литургический), Ангельская песнь относится к ключевым текстам. Из Евангелий были заимствованы также молитвословия и возгласы *Отче наш*, *Величит душа Моя Господа*, *Ныне отпущаеши*, *Примите, ядите...*, *Пийте от нея вси...* и др. Из ветхозаветных текстов широко используется Псалтирь.

В настоящей работе мы проследим исторические особенности употребления Ангельской песни, ее значение в контексте христианского вероучения, общие проблемы перевода богослужебных текстов с церковнославянского языка на немецкий, а также рассмотрим различные варианты перевода этого славословия на немецкий язык.

Как самостоятельный богослужебный текст Ангельская песнь начинает использоваться в первые века христианства. Есть предположение, что она была составляющей частью уже апостольского богослужения, поскольку в своих посланиях апостол Павел указывает на три вида святых песней (Еф. 5:19 и Кол. 3:16): псалмы, гимны (славословия) и песни духовные. Под псалмами имеют в виду ветхозаветные псалмы. Характеризуя второй вид, свт. Иоанн Златоуст отмечает, что «гимны дело более святое, чем псалмы,

ибо Ангельские Силы песнословят, а не псалмословят» [1, с. 27]. К третьему виду относят евангельские песни праведного Захария, Пресвятой Богородицы и праведного Симеона Богоприимца.

Вне зависимости от того, в какое именно время песнь вошла в состав богослужения, достоверно известно, что она содержится в Литургии Апостольских Постановлений – составном литургическом памятнике, включающем в себя тексты II–VII вв. В нем этот стих находится перед самым приобщением. Как отмечает М. Скабалланович, это славословие имеют в начале православная, несторианская, римская литургии [1, с. 616]. Однако впоследствии, в связи с перенесением литургии на утро и ее соединением с утреней, стих перешел в состав утрени. В соединении со стихом «Господи, устне мои отверзеши» и обязательно перед чтением или пением Шестопсалмия он появляется в иерусалимской утрени и по способу исполнения соответствует исполнению самого Шестопсалмия. Ввиду особой важности этой небольшой песни она повторяется трижды в честь Святой Троицы.

Примечательно и то, что Ангельская песнь поется или читается в начале богослужебного дня – это самое начало утрени перед чтением Шестопсалмия и как первые строки *Славословия великого*, практически завершающего утреню.

Одной из причин заимствования Ангельского славословия из текстов Священного Писания в богослужение является его значение для христианского вероучения. Этими словами ангельское воинство и небесные силы приветствовали рождение Господа Иисуса Христа: *И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лук. 2:13–14)¹. Они воспевают мир, который водворится в душах людей, уверовавших в Спасителя, они радуются за людей, которым возвращено Божие благоволение, но это не обычное внешнее человеческое спокойствие и благосостояние, а «мир совести, примиренной с Богом, с людьми и самим собою» [2, с. 65]. Именно поэтому архиепископ Аверкий (Таушев) объясняет смысл славословия Ангелов следующим образом: «Достоинно славят Бога небесные духи, ибо на земле водворяется мир и спасение, так как люди сподобились особенного благоволения Божия» [2, с. 65].

Таким образом, первой и основной причиной заимствования Ангельского славословия в богослужебные чины является его авторство – принадлежность горнему миру, а не творению человека, и, как следствие, важное вероучительное значение. Именно благодаря этому Ангельское славословие заимствовано не только как рядовое евангельское чтение (например, в праздник Рождества Христова), но оформилось и как самостоятельный литургический текст. Второй, собственно языковой, причиной следует признать его ритмизованный, стихотворный, песенный характер, который позволил без дополнительной обработки текста пропеть его за богослужением.

Следует сразу оговориться, что этот текст употребляется и в составе немецкоязычного римско-католического богослужения. Однако мы ограничимся рамками тех общин, для которых Русская православная церковь (и, соответственно, ее богослужение) является родной. Сегодня эта Церковь представлена двумя епархиями – Берлинской и Германской Русской православной

¹ Приводится по синодальному переводу.

церковью и Берлинской и Германской Русской православной церковью за границей, а также ставропигиальными приходами¹. Свое служение в 110 приходах и общинах осуществляют два правящих архиепископа, два викарных архиерея и почти 100 священнослужителей². Языком богослужения во многих общинах в силу последовательной культурной и языковой интеграции ее членов становится со временем немецкий язык. В этой связи остро встает вопрос перевода богослужебных текстов с церковнославянского языка на немецкий. Относительно права немецкого языка на литургическое использование мы придерживаемся мнения священника Георгия Кочеткова, который утверждает, что «любой язык, язык любого народа на земле благоугоден Богу и может быть литургическим языком» [3, с. 13]³.

По мнению священника Йоханнеса Нотхааса, для правильной оценки значимости языка и перевода должны быть учтены три критерия: 1) идентичность содержания; 2) церковная миссия; 3) душепопечительство. Другими словами, выполняет ли результирующий текст функцию неповрежденной передачи истинного содержания веры, обладает ли он миссионерским характером и действительно ли это служит делу душепопечения, или, точнее, спасения людей: «Идентичность содержания требует языковой борьбы за лучшую форму выражения содержания благовестия. Это усилие не стесняется ни изъятия высших и ценнейших понятий другого языка, ни языковых новообразований, чтобы сделать доступнее содержание христианского учения способу мышления другого народа... Миссионерский характер христианской веры требует перехода через языковые барьеры с помощью переводов, так как христианство претендует на универсальность. Бог желает обновления всего творения, и языки должны выполнять эту задачу... Душепопечительство ставит задачу, согласно которой правильное использование языковых средств служит делу спасения всех душ в общине. Так сказал апостол Павел своей коринфской общине: «...для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22) [5, с. 394].

При анализе литургических текстов к указанным критериям должен быть добавлен и еще один немаловажный критерий – адекватной музыкальной формы, поскольку при переводе этих текстов с церковнославянского языка должны быть учтены исходные по отношению к нему языки переводимого текста – древнееврейский, древнегреческий, арамейский, арабский и др., а также, по возможности, музыкальные системы этих языков.

В качестве исследуемых переводов привлекаются перевод сотрудников Среднеевропейского экзархата [6, с. 22], осуществленный в 1960–1970-х гг. (далее – П1), и перевод, выполненный в конце XX в. протоиереем Димитрием Игнатьевым [7, с. 13, 114] для серии богослужебных изданий Страстной седмицы (далее – П2). В целях типологического сравнения используются также переводы Евангелия от Луки Мартина Лютера в редакции 1912 г. (П3) и 1999 г. (П4) [8, с. 69]. Первым приводится перевод сотрудников Среднеевропейского

¹ Находящимися под непосредственным управлением Патриарха Московского и всея Руси.

² По данным официальных сайтов этих епархий: www.rocog.de и www.rokmp.de

³ Подробнее об этапах и путях переводческой деятельности христианских общин в немецкоязычном мире см. статью Е. М. Верещагина [4, с. 68–88].

экзархата: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. – Ehre sei Gott in der Höhe und Friede auf Erden, den Menschen Wohlgefallen.*

Анализируемый перевод отличается пословным характером, т.е. автор стремится к тому, чтобы каждому слову исходного текста соответствовало слово текста результирующего, воспроизводит словесный набор оригинала. При этом в немецком языке трудно соблюсти порядок слов, имеющийся и пословно совпадающий в церковнославянском и греческом текстах. Последующие варианты переводов принципиально исключают слепое калькирование греческого предложения и передают его в соответствии с нормами немецкой речи.

Дополнив фактический материал, попытаемся в систематизированном виде представить результаты анализа. В качестве исходного указан вариант П1, если с ним есть разночтения, то они приводятся в следующей последовательности: сначала П2, затем через две косых линии П3 и П4. Если последующий перевод не приводится, это значит, что в нем нет варьирования по сравнению с П1 (+). Текст разбит на условные синтагмы.

(1) *Ehre sei Gott in der Höhe – Ehre sei Gott in den Höhen* // (+) // (+)

(2) *und Friede auf Erden – und auf Erden Friede (und Frieden auf Erden)¹ // und Frieden auf Erden* // (+)

(3) *den Menschen Wohlgefallen – den Menschen Seiner Huld (den Menschen ein Wohlgefallen) // und den Menschen ein Wohlgefallen // bei den Menschen seines Wohlgefallens.*

В самой общей оценке рассмотренные переводческие версии представляются вполне приемлемыми: полно и точно передано содержание славословия, практически нет искусственного изменения немецкого языка, достигнут достаточный уровень адекватности, обеспечена пригодность литургического текста для пения и т.д. Перевод последнего слова в переводе протоиерея Дмитрия Игнатьева и отредактированном лютеровом переводе 1999 г. в родительном падеже связан с тем, что во многих древних рукописях последнее слово стоит в родительном падеже: *благоволения* («...на земле мир, в людях благоволения»).

В формальной лингвистической дескрипции отмечается варьирование:

– именной номинации: (3) *Wohlgefallen – Huld*;

– морфологических форм: (1) *in der Höhe – in den Höhen*; (2) *Friede – Frieden*;

– порядка слов по сравнению с оригиналом: (1) *Ehre sei Gott in der Höhe* и строгой пословности: (2) *und Friede auf Erden – und auf Erden Friede*;

– стилистической синонимии слов и (или) форм, иногда денотативное значение незначительно меняется: (2) *Friede – Frieden*; (3) *Wohlgefallen – Huld*;

– значащего употребления прописных и строчных букв: (3) *Seiner Huld – seines Wohlgefallens.*

Подобное варьирование в целом полезно, так как используется все богатство немецкого языка, а само славословие приобретает смысловую и стилистическую многомерность. Возвышенная стилистическая окраска достигается выбором и сочетанием лексем (*Huld*), редких морфологических форм

¹ Вариант перевода приводится автором в примечаниях.

(*Friede*), возвышенных идиом (*auf Erden*: geh.: *in der irdischen Welt*), инверсии (*und auf Erden Friede*), полисиндетона.

Теперь несколько слов о синтагматических особенностях переводных текстов в аспекте их литургического использования (при этом тексты ПЗ и П4 более не учитываются). Текст славословия носит особый, ритмизованный, поэтический характер. Его можно отнести к тому типу текстов, который Н. П. Саблина называет «ключевыми формулами всего Священного Писания» [9, с. 119]. Формульный характер, по ее мнению, позволяет полисемантическому слову не ограничиваться реализацией одного из значений в зависимости от контекста: «В формуле сохраняется слово как синкрета. У слова в формуле нет инварианта – в ней нераздельно присутствуют все смыслы, все значения... Формула синтагматична, но парадигматична словом, ее строящим, словом, которое является пульсирующим сгустком смысла» [9, с. 124–125]. Полисемантический, концентрирующий характер лексем, составляющих славословие, еще раз, пусть и косвенно, подтверждает не только их вероучительное значение, но и объясняет мотив заимствования в богослужение, в литургическую словесность. Но этот формульный характер славословия предопределяет и особый подход к результирующему тексту в контексте православного богослужения.

Поскольку текст в основном пропеваается во время богослужения, на первое место выступают требования к поэтической и музыкальной характеристике исследуемого текста. Пропеваемость славословия будет незначительно осложнять консонантная насыщенность немецкого текста.

Как известно, ударение в обоих языках динамическое, однако в церковнославянском оно свободное, а в немецком – тесно привязано к определенной морфеме. В то время как ударные славянские гласные могут немного удлиняться, а при пении подвергаться не только количественным, но и тональным, динамическим вариациям, в немецком их мобильность ограничена, иногда за счет того, что ударными могут быть и краткие гласные. Ср.: *na zemli* – *auf Erden*. Возможно, именно в этой связи в одном из переводов имеется инверсия *und auf Erden Friede*, обусловленная необходимостью силлабического ударения оконцовки синтагмы.

Подводя итог, необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Ангельская песнь является одним из самых частотных самостоятельных богослужебных (литургических) текстов, заимствованных из корпуса книг Священного Писания Нового Завета. Причины заимствования видятся нам в вероучительном значении славословия и в его особом ритмизованном характере, который в свою очередь позволил пропевать текст во время богослужения. Обиходное исполнение славословия отличается силлабичностью и простотой.

Использование славословия в качестве самостоятельного литургического текста будет носить надконфессиональный характер, так как используется и в православной, и в католической традициях. Славословие будет являться специфическим стилистическим средством, формирующим богослужебный подстиль современного религиозного стиля немецкого языка.

Основные проблемы проанализированных переводов связаны с тем, что, будучи литургическим текстом, язык славословия должен сочетать в себе следующие характеристики: а) высокий стиль и целостность в стилевом отношении; б) отрефлектированность, т.е. это должен быть язык, «вмещающий в себя все нюансы смысла, философско-богословские оттенки, не допускаю-

щий двусмысленности и способный на различения» [10, с. 48]. Исследованные результирующие тексты полно и точно передают содержание славословия, при существующем лексико-грамматическом и стилистическом варьировании достигнут необходимый уровень адекватности перевода, а также обеспечена пригодность литургического текста для пения. В текстах не встречается необоснованных замен лексем и граммем, которые могли бы быть обусловлены догматическими, культурно-историческими и языковыми факторами.

Дальнейшее детальное исследование литургических текстов на немецком языке могло бы привести нас к систематическому описанию современного богослужебного немецкого языка в его конфессиональном, культурно-национальном и языковом многообразии.

Список литературы

1. **Скабалланович, М.** Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением / М. Скабалланович. – М. : Сретенский монастырь, 2004. – 815 с.
2. **Аверкий (Таушев), архиеп.** Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета / Аверкий (Таушев), архиеп. – М. : ПСТБИ, 2004. – 848 с.
3. **Кочетков, Георгий, свящ.** Язык Церкви / Георгий Кочетков, свящ. // Язык Церкви. – Вып. 1. – М. : Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С. 12–21.
4. **Верещагин, Е. М.** Переводы с церковнославянского на немецкий : анализ опыта в свете перспектив переводов на русский / Е.М. Верещагин // Язык Церкви. – Вып. 1. – М. : Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С. 68–88.
5. **Нотхаас, Йоханнес, свящ.** Язык православной литургии в диаспоре / Йоханнес Нотхаас, свящ. // Труды Нижегородской духовной семинарии. – Вып. 5. – Нижний Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2007. – С. 391–396.
6. Die Nachtwache. Der Gottesdienst der Orthodoxen Kirche in der Nacht zum Sonntag und vor großen Festen. – Berlin : Mitteleuropäisches Exarchat des Moskauer Patriarchates, 1974. – 24 s.
7. Der Gottesdienst am Heiligen und Hohen Donnerstag. Zusammengestellt und übersetzt von НН. Erzpriester Dimitrij Ignatiev. – München : Kloster des Hl. Hiob von Poiaev, 1991. – 114 s.
8. Die Bibel. Nach der Übersetzung Martin Luthers mit Einführungen und Bildern. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1999. – 391 s.
9. **Саблина, Н. П.** Словесная формула как основная поэтическая единица Псалтири / Н. П. Саблина // Древнерусское песнопение: Пути во времени. – СПб., 2005. – Вып. 2: По материалам конференции «Бражниковские чтения – 2004». – С. 119–125.
10. **Иннокентий (Павлов), игумен.** «...Чтобы всем учиться и ободряться» / Иннокентий (Павлов), игумен // Язык Церкви. – Вып. 1. – М. : Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С. 47–60.

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой немецкой
филологии, Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

E-mail: e_plissov@mail.ru

Plisov Evgeny Vladimirovich
Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of German philology, Nizhny Novgorod
State Linguistic University
named after N. A. Dobrolyubov

УДК 82-97:2-53

Плисов, Е. В.

Языковые особенности употребления ангельской песни в немецком богослужении / Е. В. Плисов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 93–99.